

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
2. Березовская Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч.2. М., 2002.
3. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. [Http://trditionallib.narod.ru](http://trditionallib.narod.ru)
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.2. Л., 1991.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. М., 1993.
6. Исконный триглав / Альманах. М., 2005.
7. Калашников М., Кугушев С. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М., 2006.
8. Цит. по: Панов Е.Д. Смысл жизни и истории с позиции эзотерики. М., 2001.
9. Сушков Б.Ф. Русская культура: новый курс. М., 1996.
10. Традиция и русская цивилизация. М., 2006.
11. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994.

В.Д. ЖУКОЦКИЙ, *З.Р. ЖУКОЦКАЯ*

г. Нижневартовск

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Так исторически сложилось на Руси, что задачу развития системы образования ставило перед собой государство российское, причем не только светского образования, но и церковного. Об этой парадоксальности русской истории подробно писал П.Н. Милуков в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры». Дело в том, что в рамках западной культурной традиции вся система образования, и церковного и светского, долгое время создавалась и находилась под особым церковным покровительством. Более того, понадобилась целая секуляризационная эпоха отвоевания государством этой привилегии церкви. Но и после известного разграничения функций светского и церковного в общей системе образования церковное влияние оставалось заметным [1. С.13-28].

В России это влияние также имело место, хотя оно в значительной мере было опосредовано самодержавным государством, бравшим на себя функции *светского* церковного влияния. В современной науке это получило наименование *идеократии*, как разновидности или неявной формы теократии. В советское время эта модель вновь сработала, с той

лишь разницей, что функцию церкви и самодержавного государства взяла на себя партийная иерархия и советская власть. В нашу постсоветскую эпоху вновь встал вопрос: является ли идеократическая форма правления родовым признаком российской цивилизации или мы движемся в направлении универсализации и демократизации наших традиционных культурных форм? Впрочем, и в том, и в другом случае центральным оказывается вопрос о статусе церкви в государстве, в обществе, в культуре и, в частности, в образовании. Действительно ли мы должны возвращаться в количественном и качественном отношении к дореволюционному уровню, беря его за образец? Или мы обязаны признать, что культурно-исторический процесс несет в себе элементы необратимой эволюции и всякое возвращение в исходную точку происходит по спирали, а значит с приращением некоего нового качества, которого не было в прошлом, но которое есть теперь и будет всегда в силу известной онтологии бифуркации?

Совершенно очевидно, что первая точка зрения контрпродуктивна и едва ли вписывается в каноны здравого консерватизма, нужда в котором осознается сегодня, после эйфории радикально-либерального погрома, достаточно широко. Однако мало кто знает, как реализовать его на деле, не впадая в крайности нового революционизма, на этот раз консервативного толка, в духе так называемой «консервативной революции».

Первоочередными представляются следующие принципы-положения: 1) безусловное сохранения светского характера российского государства, поскольку в этом залог его цивилизационной мобильности и многосложности, сохранения целостности и «единства в многообразии»; 2) разработка государственной идеологии, которая в неявной форме представляет глубинную православную культурную традицию России, несет в себе идею светского православия на новом постреформационном этапе ее развития, вбирающем в себя положительные достижения советской науки, культуры и образования.

Главным препятствие на этом пути является отсутствие развитых форм посредничества между церковью и обществом, государством, культурой, таких форм, которые действовали бы автономно и ненавязчиво, но вполне авторитетно и в глазах церкви и в глазах общества. Второе препятствие, а в каком-то отношении оно же и первое, связано с явным отставанием мировоззренческой доктрины церкви от духа времени и данных современной науки, попытка мыслить отношения науки и религии в средневековых традициях, в категориях высшего – низшего. Пожалуй,

вопиющими по наивности выступают непрекращающиеся претензии к теории эволюции видов Ч. Дарвина, давно уже приобретшей статус общенаучного знания в своей области. Нападки на Дарвина сегодня равносильны нападкам на Коперника и Дж. Бруно в прошлом. Такого рода факты возводят настоящую китайскую стену между религией и наукой, религией и образованием. И здесь есть чему поучиться у католиков и протестантов. Отказ от этого пути равносильен началу нового исторического витка конфронтации между важнейшими духовными центрами современной культуры. А между тем гуманистические принципы культурно-исторического развития требуют создания все более развитых форм *диалогового режима* и *ценностного равновесия* в обществе и культуре.

Гуманистическая альтернатива современной России продиктована новейшими требованиями гармонизации общественных отношений и сознания людей на качественно новом уровне культурно-исторической эволюции. На смену старой доминанте позитивной религиозности или идеологического диктата государства приходит доминанта *светской культуры* гражданского общества. Отсюда вытекает историческая миссия светского гуманизма как мировоззренческой основы современных межкультурных коммуникаций. Именно светский гуманизм способен организовать полноценный диалог между основными видами современного мировоззрения и гуманизма – *религиозным, либеральным и социальным*. А для этого и сам религиозный гуманизм должен приложить усилия для развития своих *светских* форм и прежде всего в сфере философии, искусства и светской морали.

Наивно полагать, что светский гуманизм и светская культура размывают параметры национальной и культурной идентичности. Это равносильно отрицанию русской музыки, живописи, литературы, русской науки и русской философии. Еще более наивно сводить их исключительно к православной церковной традиции или, напротив, нарочито их противопоставлять. Когда А.Ф. Замалеев пишет о том, что русская культура еще не завершила этап дифференциации своих культурно-видовых форм, что она по-прежнему синкретична и склонна к стихийной религиозности, то он тем самым радуется не только об интересах русской философии, но в не меньшей степени и об интересах русской религиозной традиции. В частности, он пишет: «Русская философия в своем главном русле слишком слабо отдифференцирована от религии, христианской теологии. Ей недостает теоретической секуляризации, она еще мыслит

категориями чужеродной духовности, менее универсальной и общезначимой, нежели философия. Религиозность русской философии свидетельствует о ее переходном состоянии, полифоничности; ей только предстоит, рано или поздно, самоутвердиться на принципах секуляризованного сознания» [2. С. 315].

Этот тезис не следует понимать в духе отрицания религиозной философии, как равноправного светского субъекта в философском кругу. Но когда вся русская философия характеризуется религиозностью как таковой, то это лишь признак того, что она еще не состоялась вполне и находится в стадии своего становления в качестве собственно философии. Эта фатальная, неосознанная, стихийная религиозность проявлялась самым неожиданным образом даже в материалистическом мировоззрении русского народничества и в догматике диалектического и исторического материализма советской эпохи. Заявляет она о себе и в новейших либеральных доктринах абстрактного индивидуализма и прагматизма. Вот почему становление выраженной религиозной философии в наши дни прямо работает на дифференциацию философского знания, как вовне, так и в себе самом. И именно религиозная философия способна стать равноправным субъектом в гуманистическом диалоге, который ведет светская культура. Наконец, она выступает полномочным и неангажированным представителем церковной иерархии в этой сфере.

Догматика не может рассчитывать на прямое и тотальное присутствие в современной духовной культуре, но она должна иметь свою законную нишу, а также массу коммуникативных возможностей, которые дает не государство с его властным статусом, а развитая инфраструктура современной светской культуры гражданского общества. Это еще раз возвращает нас к универсалии *гуманистического дискурса* современного образования и культуры.

В этом вопросе особенно важно различать общемировые тенденции и их особенное преломление в контексте национальной истории и культуры. Что такое Россия и русский путь во всемирной истории? Как именно он вписывается в мировой гуманистический процесс и что новое он вносит в него? Что есть гуманизм для России и что есть Россия для гуманизма? Такая постановка вопроса переводит традиционную гуманистическую проблематику в конкретно-историческую плоскость гражданского служения, где личность как суверен образует естественную основу «свободного общества свободных людей».

Судьбы гуманистической идеи в России не отличались простотой и порой выбирали самый извилистый путь развития, хотя гуманистическое мироощущение и душевный склад русского человека были всегда исполнены непосредственности и простоты. Особенность российской ментальности неизменно связана с поиском *чистой формы* абсолютной идеи и неустанными попытками ее воплощения в действительный строй жизни. Таковы особенности древнеславянского языческого моно- и политеизма и связанное с этим возвышение волхвов, действительных «водителей жизни». Такова утвердившаяся на Руси форма христианства, принятая из рук Византии и претендующая на наибольшую ортодоксальность, на *правильное прославление Бога*, на *православие* своей веры. Но с этим оказалось связано и искусственное возвышение статуса светской власти и самой государственности, как воплощенной божественной реальности, где владыкой мира выступает Царь Московский (в начале это был князь Киевский). Отсюда формула «Святая Русь» – символ Царствия Господнего на земле.

Когда же в мире пришло время торжеству социальной идеи, возникшей на контрасте фантастического роста общественного богатства и общественной нищеты, Россия вновь подхватила ее не иначе как в статусе новоявленной абсолютной идеи, требующей немедленного и окончательного воплощения. Таков культ социализма, коммунизма и большевизма Советской эпохи. Но и наше постсоветское время не свободно от старой традиции поиска чистоты форм, на этот раз под шапкой либеральной идеи, полноты и неограниченности рыночной стихии и якобы именно в ней обретаемой свободы личности. А на подходе, уже как реакция на крайности радикального либерализма, и новая «консервативная революция».

Где же выход? Способен ли наш национальный континуум выйти из этого порочного круга идейного абсолютизма? И что для этого нужно сделать? Какой урок из всего этого мы должны извлечь? Очевидно, только один: *«Берегись чистоты формы, ибо насколько она хороша на уровне мысли, настолько плоха и неадекватна на уровне практики»*. Прагматический принцип заявляет здесь свою гуманистическую основательность. Это формула *ближнего света* в вопросах мировоззренческой ориентации, где критерием истины выступает практический результат. Практический гуманизм вообще чужд абстракции и всяческой односторонности в подходе к человеку. Он изначально ориентирован на целое, на результат в этой жизни и на этой земле. Но он

не чужд и общественных идеалов и высоких устремлений, если они согласуются с исключительным чувством меры, даруемым здравым смыслом.

Гуманизм – это и есть исключительное чувство меры, гениальная в своей простоте и непостижимости точка абсолютного равновесия между мыслью и предметом мысли, между идеей и ее воплощением. Это точка, где один человек встречается с другим человеком и два *Я* образуют идеальный и, как это не удивительно, вполне реальный момент абсолютного единства. Память о таком моменте и способность воспроизводить его вновь и вновь образуют действительное начало и путь *гуманистического человека*, вырастающего на базе человека эгоистического, но сознающего, что только в единстве с *другим* (и другими) рождается божественное присутствие. Это та форма *образования*, которая дается самой жизнью, ее непосредственным человеческим опытом. Но и вся так называемая большая система общественного образования строится на этом экзистенциальном фундаменте.

Но какое отношение это все имеет к вышесказанному о российской ментальности и поиску национальной идентичности? Самое непосредственное. Всякое пристрастие к чистоте идеи, ее воспроизводству и воплощению по принципу противопоставления другим идеям (других людей) есть не что иное, как фатальная склонность к *религиозности*. Она по-своему необходима и даже неизбежна, но лишь как момент нашего личностного и общественного становления, когда приоткрывается сама возможность *иного мира*. Но всякая задержка на этом пути чревата самыми тяжелыми последствиями и для личности и для общества – начинается необратимый процесс их разложения и деградации, фатального топтания на месте и поиска (!) тупиков.

Каков же он следующий, послерелигиозный этап (этапы) становления и образования личности и общества? Это, прежде всего, этапы свободного философствования, развития науки, искусства и светской морали как автономных сфер духовной культуры. Именно они открывают *снятую* религиозность, свободную от каких-либо довлеющих форм, направленную не на самолюбование и самодостаточность по принципу нарциссизма, а на творческое созидание культурного и социального многообразия мира. Таков универсальный принцип эпохи Возрождения, которая всегда с нами, поскольку находит все новые возможности своего воспроизводства в изменяющихся обстоятельствах культуры и социума. Именно светские формы культуры устремляют творческий потенциал человека в

практическую бесконечность творчества, действительного Творения, а не ожидания Нового мира – будь то в виде философских систем, художественных произведений, научных открытий, общественного и технического прогресса.

Следовательно, светский гуманизм – это и есть критерий зрелости личности и общества. Он воплощает в себе способность созидания, свободного нравственного и интеллектуального развития, реальную устремленность в будущее. Светский гуманизм любую идею, склонную к религиозному обособлению и самовозвышению, кладет на ладонь рядом с другой такой же идеей и тем самым уравнивает их, высвечивая их взаимную относительность. Множественность и равенство, поиск устойчивого равновесия во множестве, и образует фундаментальные принципы единства и цельности *светского гуманизма*. За этой универсальностью и множественностью скрывается действительный стержень нравственного начала в человеке, которое уже не нуждается в каком-либо внешнем авторитете, потому что оно и есть этот авторитет.

Все это имеет прямое отношение к России, которая прокладывает свой самобытный путь восхождения потоков человечества к истине бытия. Вот почему у нас есть все основания утверждать: Россия в своем историческом развитии в качестве самобытной цивилизации вступает в полосу своего расцвета и зрелости, когда *чувство меры и внутреннего равновесия* начинает превалировать над склонностью к увлечениям и опрометчивым поступкам, когда равновзвешенность основных идей современности предвещает и упреждает всякую склонность к их доминированию. По сути, это и есть *демократия в действии*, когда даже либеральная идея не позволяет себе взойти на некий престол абсолютного господства, сознавая, что случись такое, это стало бы актом самоубийства для нее. Когда-то, в начале XX века, аналогичным образом рассуждали о творческом характере марксистской идеи (вспомним великого систематика и родоначальника организационной науки *тектологии* ученого-марксиста *А.А. Богданова*), но не удержались... и вот результат.

Патриотизм сегодня – это *вера* в творческий потенциал российской цивилизации, слишком молодой, чтобы думать о своем конце и исходе, но именно в силу своей молодости, так остро ощущающей хрупкость нашего бытия. Способность консолидироваться вокруг ценностей и целей светского гуманизма и выступает залогом ее витальной силы и готовности преодолеть кризис, восприняв его как необходимый момент роста. Однако история культур и цивилизаций еще не знала ни одной разновидности

светского гуманизма, который бы не опирался на силу и мощь национальной духовной традиции. Авторитет церкви в этом вопросе существует, но не единственен. Важно, чтобы сама эта духовная традиция не противопоставляла себя светской культуре и светскому гуманизму, а гармонично их дополняла в полном сознании того, что точка роста национального гения находится на острие культурно-исторического процесса в сфере науки, философии, искусства. Впрочем, охранительная функция культуры, возложенная на духовную традицию, выступает достаточным основанием для удовлетворения и высокого уровня самосознания в религиозной сфере. Более того, она также участвует в консолидации общества вокруг ценностей светской культуры, воспринимая аксиоматику мировоззренческой толерантности как нормы современной общественной жизни.

Кто берет на себя эту функцию консолидации и идентификации общества и сознания? На уровне политики это делают политические партии, каждая в меру своего разума и возможной специализации на данной проблеме. На уровне гражданского общества это делают общественные организации и ассоциации граждан, такие как *Российское философское общество* или *Российское гуманистическое общество*. Но есть и вполне институциональные формы такой консолидации. Это фундаментальные сферы *образования*, науки и культуры. Они не имеют права отсиживать в тени, когда решаются судьбы страны и мира.

Широкое и осознанное овладение нормами светского гуманизма – это еще и залог нашего восхождения в мировой цивилизации на равноправной основе. При этом с особой остротой встает вопрос о нашей национальной, точнее цивилизационной идентичности. В традиционный перечень наших особенностей – *православие, советизм, евразийство* – сегодня входит и наш особый российский путь по овладению навыками светского гуманизма. Именно это дает возможность перехода от особенного и единичного к всеобщему и универсальному, причем, без отказа от нашей индивидуальности.

Что мешает консолидации российского общества вокруг ценностей светского гуманизма, веры в человеческий разум и человеческую природу, возможность и достижимость социальной справедливости и здорового мироустройства? Прежде всего, шок от крушения советского общества, советских идеалов и советской культуры, с которыми были идентифицированы наше сознание и надежды на будущее. Потеря мировоззренческого стержня и твердости духа в обществе, образование в

результате крушения СССР и фатального поражения в «холодной войне» вакуума *гражданской веры*, подтолкнули массы людей к примитивной религиозности, с одной стороны, и к анархии моральной вседозволенности и социального цинизма – с другой. Сработал старый инстинкт – лучше плохое нечто, чем хорошее ничто. Все это можно понять, но с этим нельзя примириться. Очевидный крен корабля нашей цивилизации требует усилий по его исправлению. И ключевым в решении этой проблемы выступает вопрос о восстановлении нашего ровного отношения к советской эпохе, без крайностей и эксцессов. Все, что было в нашей истории – советской и досоветской, должно быть положено на чашу весов нашей нынешней устремленности в будущее – *без пристрастия и упрёка*. Это тот случай, когда мы либо все целиком принимаем, либо, увы, отказываемся от собственной идентичности.

Литература

1. См.: Жукоцкий В.Д. Образование и религия: уроки русской истории // Наука и религия: проблемы современного гуманизма. Материалы Межрегиональной научной конференции (Нижевартовск, 22 апреля 2003 г.). Нижевартовск, 2003.

2. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб., 1995.

В.И. КОНДАУРОВ

г. Москва

КУЛЬТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Культура и мировоззрение – это слагаемые одного целого – образа жизни. Они являются слишком важными инструментами ансамбля общественных отношений, чтобы рассматривать их традиционно, как некоторый придаток к экономике или политике. Роль передовой национальной культуры и научного мировоззрения возрастает настолько, что мы в известном смысле должны сказать: они могут оказаться решающими факторами и движущей силой подлинного обновления. Питирим Сорокин справедливо связывал развитие общества с развитием духовной культуры. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что культура – это не только духовное явление, но и вся совокупность общественно-исторической практики, объективированная в виде материальных творений. Равно как мировоззрение – это не только собрание идей о мире вообще, а практическое сознание. Оно определяет глубину, масштабность и направленность духовного развития каждой нации, каждого народа. Бесчисленное повторение тезиса о первичности материального бытия в качестве прописной философской истины не сдвинет общественный